

БАБУШКА В ТЕЛЕФОНЕ

Полина Светлова

Полина Светлова

Бабушка в телефоне

«Автор»

2026

Светлова П.

Бабушка в телефоне / П. Светлова — «Автор», 2026

Второклассница Соня Ковалёва терпеть не может обязательные звонки бабушке по вторникам и пятницам ровно в семь — как раз когда идёт её любимый «Енот-детектив». Но однажды, нажав на странную серую кнопочку с дверцей, появившуюся после обновления планшета, Соня случайно переселяет бабушку Нину Аркадьевну — учительницу с тридцатидвухлетним стажем — внутрь устройства. Теперь бабушка живёт в планшете: комментирует уроки, правит прогноз погоды, воспитывает будильник и требует котлету ребёнку. А Соне вместе с подругой Юлькой и голосовым помощником Током предстоит выяснить, что дверь открывается в обе стороны, но выпускает только того, кто этого по-настоящему хочет. Тёплая, смешная и трогательная история о том, что за ворчанием прячется страх, а за расписанием — любовь.

© Светлова П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Кнопка	5
Глава 1. Вторник и пятница	6
Глава 2. Маленькая кнопочка	8
Глава 3. Внутри	10
Глава 4. Мама ничего не заметила	12
Глава 5. Зареченск не отвечает	14
Часть вторая. Бабушка в телефоне	16
Глава 6. Тётя Валя и интернет-библиотека	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Полина Светлова

Бабушка в телефоне

Часть первая. Кнопка

Почти правдивая история о том, как одна бабушка побывала в телефоне

Глава 1. Вторник и пятница

У Сони Ковалёвой, второклассницы, была проблема. Проблема звонила по вторникам и пятницам в семь часов вечера.

Проблема была добрая, носила очки на цепочке (вторая, запасная пара лежала у неё в тумбочке — «на случай, если первые уедут в город вместе с головой»), пекла такие пироги, что соседи стучали по батарее: «Нина Аркадьевна, опять с капустой? Опять?!» Проблемой была Сониная бабушка Нина, которая жила далеко-далеко, в городе Зареченске, и приезжала всего два раза в год.

Зато звонила — по расписанию.

Расписание придумала мама. Мама у Сони работала бухгалтером и всё в жизни любила по расписанию: подъём — 7:00, ужин — 19:00, «общение с бабушкой — вторник и пятница, 19:00, продолжительность 20 минут». Мама говорила, что так «оптимально». Соня не знала, что такое «оптимально», но подозревала, что ничего хорошего.

Потому что во вторник и пятницу в семь часов вечера по телевизору показывали «Енота-детектива».

«Енот-детектив» был лучший сериал на свете. Енот по имени Мартин расследовал преступления в лесу: кто украл жёлуди, кто разрисовал барсучью нору, и главное — куда каждую среду исчезает бельевая верёвка семьи Бобровых. Соня смотрела все серии по два раза и знала наизусть, что убийца — это... впрочем, неважно. Это спойлер.

А бабушка звонила как раз в это время.

— Сонечка! — говорила бабушка с экрана планшета. — Ну-ка повернись, я на тебя посмотрю. Опять не причесана! Опять чипсы! Софья, у тебя во рту что — завод по производству хруста?

— Бабуль, у меня «Енот-детектив»...

— Какой ещё енот? В наше время дети во дворе играли! — объявляла бабушка. — Ну-ка расскажи, как ты учишься. Ах, хорошо? А почему хорошо, а не отлично? Ах, отлично? Тогда

почему не рассказываешь? Софья, ты меня не слушаешь, я же чувствую. У тебя там этот... мультик твой.

И так — двадцать минут. Ровно.

Соня не то чтобы не любила бабушку. Любила! Бабушкины пироги, бабушкины сказки про школу, где она тридцать лет учила детей, бабушкины руки, которые умели штопать дырки так, что дырок становилось не видно... Всё это Соня любила.

Но звонки по расписанию — не любила. Потому что расписание — это как школа. Только вечером.

И ещё одна вещь: бабушка называла телефоном всё, что умеет показывать картинки и разговаривать. Планшет — телефон. Ноутбук — тоже телефон. Телевизор с «умной приставкой» — «большой телефон, который висит на стене и ничего не понимает». Соня перестала спорить ещё в прошлом году: всё равно для бабушки все экраны на свете были одним сплошным телефоном. Поэтому и история, которая случилась с ними в мае, называется так, как называется.

— Мам, — сказала Соня в тот вторник. — А можно я бабушке завтра позвоню? У Мартина сегодня последняя серия сезона!

— Софья, — сказала мама, не отрываясь от ноутбука (мама часто работала вечером, она называла это «удалённо», а Соня называла это «мама опять не моя»). — Бабушка ждёт. Она одинокая. Ей, между прочим, шестьдесят семь лет, и ты у неё одна. Двадцать минут. Ты выдержишь.

— Я не выдержу, — честно сказала Соня.

— Выдержишь, — сказала мама. — Ты же у меня сильная.

И Соня пошла выдерживать.

Глава 2. Маленькая кнопочка

В тот вечер всё пошло не так с самого начала.

Во-первых, планшет завис. Он был старый — мамин прежний, в розовом чехле с заячьими ушами, — и в последнее время думал по минуте над каждой кнопкой. Во-вторых, мама сказала: «Обновился, наверное, тормозит», — и ушла на свою удалёнку. В-третьих, Барсик лёг прямо на планшет.

Барсик был серый полосатый кот, толстый и с характером. Он любил три вещи: спать, есть и спать там, где собирались что-то положить. Стоило Соне оставить планшет на диване — Барсик уже там. Как он узнавал — науке неизвестно.

— Барсик, кыш! — Соня ссадила кота. — У меня бабушка!

Бабушка как раз дозвонилась.

— Софья! — сказала она с экрана. — Я тебя плохо вижу! Ты что, в темноте сидишь? Включи свет, у вас же темно, как у крота в норе!

— Бабуль, у нас день, — сказала Соня. — Это планшет тусклый.

— Значит, нажми эту... — бабушка приблизила лицо к экрану так, что стал виден только её нос в очках, — ...эту маленькую кнопочку. Вон ту, в углу. Я в прошлый раз видела. Нажмёшь — и меня будет лучше видно.

Соня вздохнула. Бабушка вечно просила нажать какие-то кнопочки. Обычно это кончалось тем, что экран переворачивался вверх ногами или планшет начинал снимать потолок.

Но спорить было лень, и Соня посмотрела в угол экрана.

Кнопочка там была. Новенькая.

Соня точно знала: раньше её не было. Маленькая, серенькая, с нарисованной дверцей и стрелочкой — будто кто-то выходит из домика. Мама говорила, что после обновления «всё переставили», — наверное, это из обновления.

Соня нажала.

Экран мигнул.

Не как обычно мигают экраны — а как мигает свет в коридоре, когда дом старый и что-то случается с проводами: раз — и темно, два — и светло, три — и...

...и бабушки в экране не стало.

— Бабуль? — сказала Соня. — Бабуль, ты где?

В экране был бабушкин дом: кресло с накидкой, ковёр с оленями, фикус на подоконнике, настенные часы с маятником. На кресле, экраном вниз, лежал бабушкин собственный планшет — старый, толстый, в чехле с отклеившимся уголком. И всё. Кресло пустое. Накидка смятая, как будто с неё только что встали.

— Бабуль, не шути так, — Соня почувствовала, как у неё холодеет живот. — Бабуль!

Из динамика планшета раздался шорох. Потом — приглушённый стук. Потом голос — бабушкин, но какой-то... железный и очень близкий, будто бабушка стояла не в Зареченске, а за тоненькой стеночкой:

— Софья?! Софья, ты меня слышишь?! Я тут! Я внутри!

Соня уронила планшет на диван.

— Барсик, — прошептала она. — Она там.

Барсик посмотрел на планшет, потом на Соню, и шерсть у него на загривке встала домиком. Коты, между прочим, первыми всё понимают. Всегда. Во всех историях.

Глава 3. Внутри

— Софья, не стой как памятник! — гремел планшет бабушкиным голосом. — Подними меня! Я тут лежу экраном в подушку, я ничего не вижу!

Соня подняла планшет дрожащими руками.

— Бабуль... ты где?

— ГДЕ-ГДЕ. В своём Зареченске, где же ещё! — сердито сказала бабушка. — Сажу в кресле... то есть как сажу. Не сажу я в кресле! Я стою... тоже не стою. Софья, я не знаю, где я! Я нажала эту вашу кнопочку, как ты мне показывала в прошлый раз, — и меня как втянуло! Как макаронину в суп!

— Какую кнопочку? Я тебя не...

— Маленькую! Серенькую! С дверцей! Она у тебя на экране появилась, я ещё подумала: что за глупости, дверь со стрелочкой... Ткнула пальцем — и вот! — Бабушка перевела дух. — Тут у вас... Софья, а тут у вас тесно. И светло. И пахнет... не знаю чем. Электричеством пахнет.

Соня медленно, очень медленно повернула планшет экраном к себе.

— Бабуль, — сказала она шёпотом. — Ты в планшете.

— Что за глупости, — сказала бабушка. — Не может человек быть в планшете. Человек может быть в Зареченске. Или в гостях. Или, в крайнем случае, в больнице, но я, слава богу...

— Бабуль. — Соня сглотнула. — Я тебя не вижу. Тебя вообще не видно. Только слышно. Повисла пауза. Такая, какая бывает, когда взрослый понимает что-то очень серьёзное.

— Как это — не видно? — тихо спросила бабушка.

— Никак. Экран пустой. Твоё кресло пустое.

— Моё кресло?.. — Бабушка помолчала. — Софья, а я на своё кресло сверху смотрю. Как будто я на люстре сижу. Только люстры нет.

— Это ты на камеру свою смотришь, — умным голосом сказала Соня, хотя руки у неё тряслись. — Ну, через которую видео. Ты теперь... ты теперь вместо картинки.

— Вместо картинки, — повторила бабушка. — Нина Аркадьевна Мал... то есть Нина Аркадьевна, учитель начальных классов, тридцать два года стажа, почётный работник... вместо картинки.

— Ага, — сказала Соня.

— СОФЬЯ! А ну-ка дай мне маму!

— Маме нельзя, — сказала Соня. — Мама на удалёнке. Мама скажет: «Не выдумывай». И заберет планшет. И... — Соня вдруг поняла главное и сказала это вслух: — И тогда мы тебя вообще не найдём.

Бабушка замолчала.

— Ладно, — сказала она наконец совсем другим голосом — тихим и даже немножко испуганным, какого Соня у неё никогда не слышала. — Ладно, внучка. Маме пока не говорим. Разберись-ка ты мне... вот что. Поищи у себя в этом... планшете кнопку. Ту самую, серенькую. С дверцей. Может, она в обе стороны работает?

Соня поискала.

Кнопки не было.

Она пролистала весь экран — все приложения, все папки, все настройки. Серой кнопки с дверцей и стрелочкой не было нигде. Как будто её и не было никогда.

— Нету, — сказала Соня.

— Как нету?!

— Вот так. Съела её эта... как мама говорит... обновилка.

Из планшета раздался звук, который Соня тоже слышала впервые: это бабушка Нина, учитель начальных классов с тридцатидвухлетним стажем, тихонько завывала.

— Не вой, — сказала ей Соня строго, потому что от этого воя у неё самой защипало в носу. — Бабуль. Не вой. Мы тебя вытащим. Я же не сама по себе — я сообразительная. Ты сама говорила.

— Говорила, — всхлипнул планшет. — На твою сообразительность, Софья, без слёз не взглянешь. Но ты моя единственная. Так что... давай. Тащи.

Глава 4. Мама ничего не заметила

Ужин прошёл как обычно — если не считать, что Соня притащила планшет на кухню и поставила его на подоконник экраном в комнату.

— Софья, за столом без гаджетов, — машинально сказала мама.

— Это не гаджет, — сказала Соня. — Это... радио. Я музыку слушаю. Тихо.

— Какое ещё радио в планшете?

— Такое, — сказала Соня и включила первый попавшийся мультик без звука.

Мама пожала плечами и вернулась к своему ноутбуку и своим цифрам. Мама была бухгалтер — человек, который всегда немножко на работе.

— Ира, — раздался с подоконника бабушкин голос, — ты опять ребёнка котлетой не покормила? Я же вижу! У тебя на столе макароны пустые!

Мама подняла голову.

— Ты чего-то сказала?

Соня подавилась макаронами.

— Это в мультике! — быстро сказала она. — Там бабушка-персонаж! Очень вредная!

— Гм, — сказала мама и уткнулась обратно в цифры.

— Софья, — зашипел планшет так тихо, что слышала одна Соня. — Это моя дочь или кто? Почему она меня не слышит?

— Потому что ты из динамика, — прошептала Соня, делая вид, что жуёт. — Он тихо работает. Надо ближе — тогда слышно.

— Значит, я теперь... — бабушка помолчала, — ...как радио.

— Ага.

— Нина Аркадьевна — радио. Тридцать два года стажа. — Из планшета донёсся бабушкин вздох. — Ладно. Ставь меня на зарядку, радио должно работать. И Софья...

— Что?

— Котлету ребёнку всё-таки дай. Я вижу, у вас в холодильнике есть. Через камеру вашего холодильника я, правда, видеть не могу, но я женщина опытная. У всех в холодильнике есть котлета.

Соня попросила котлету. Мама удивилась («С каких пор ты ешь котлеты вечером?»), но дала.

Ночью Соня положила планшет на подушку рядом с собой — экраном вверх, чтобы бабушке было «виднее», — и они шёпотом разговаривали до половины одиннадцатого.

— Бабуль, а как там у тебя внутри?

— А вот так, — сказала бабушка. — Сажу как будто в комнате без стен. Вроде всё вижу — твою комнату, потолок, Барсика вон того, — а повернуться не могу. Куда ни повернусь — везде ты.

— Это камера, — объяснила Соня. — Куда она смотрит, то ты и видишь.

— Умная ты у меня, — сказала бабушка грустно. — А я вот до сих пор не понимаю: как это я нажала одну кнопочку — и тридцать два года стажа влезли в планшет. Софья, а школата моя как? У меня же завтра... сегодня же третий «Б», у них диктант!

— Найдут замену, — сказала Соня. — Ты же на пенсии.

— Пенсия — это когда ноги старые, — сказала бабушка. — А у меня душа рабочая. Третий «Б» без меня диктант напишет с двадцатью ошибками. Я их знаю. У Петечки Свиридова в каждом диктанте «жи-ши» через «ы».

Она помолчала.

— Софья. А ты завтра в школу?

— В школу.

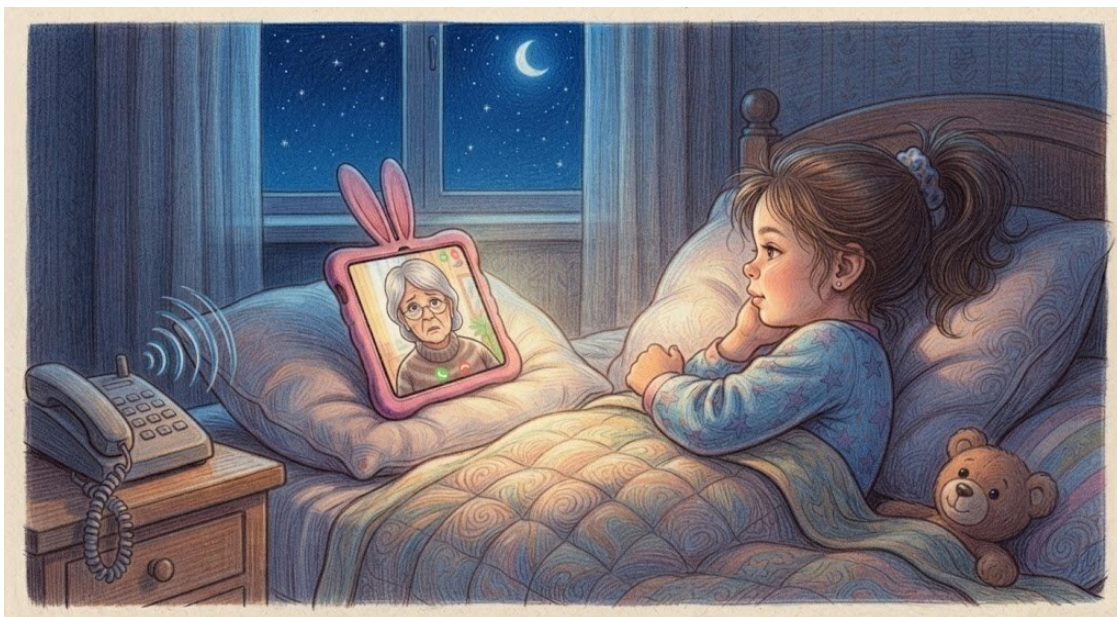
— Тогда спи. Немедленно. Я тут посмотрю, чтобы ты одеялом накрылась.

— Бабуль! Мне восемь лет!

— В восемь лет, — сказала бабушка тоном «учителя начальных классов», — одеяло сползает особенно коварно. Спи. Я покараулю.

И Соня почему-то послушалась. Может, потому что это была первая ночь за долгое время, когда рядом кто-то караулил.

Глава 5. Зареченск не отвечает

Первые два дня всё было даже... интересно.

Бабушка освоилась. Она обнаружила, что может «переходить» из приложения в приложение — просто «шагнуть в иконку», как она выразилась. Она побывала в калькуляторе («скупотища, даже поговорить не с кем, одни цифры»), в календаре («Софья, у тебя в среду кружок! Ты не забыла? Забыла! Я так и знала») и в погоде.

С погодой вышла целая история.

— Софья, тут врут! — объявила бабушка утром в четверг. — Написано «ясно, плюс три». А за окном у тебя туча, я через камеру вижу!

— Бабуль, это прогноз. Он на весь город.

— На весь город нельзя врать! — возмутилась бабушка. — Я тридцать два года детям правду говорила. Даже неприятную. Особенно про почерк.

Она «шагнула» в приложение погоды — и на экране планшета солнышко вдруг нахмурилось, а под ним появилась надпись: «Осадков не будет, даже не просите. Н.А.»

— Бабуль! Ты чего наделала!

— Правду написала, — сказала бабушка гордо. — Нина Аркадьевна.

К обеду солнышко в приложении вернули, а надпись стёрли. Но Соня заметила: с тех пор погода в её планшете всегда показывала точно. До градуса. Как будто приложение боялось бабушку.

А в пятницу случилось плохое.

Мама утром позвонила бабушке. Просто так — спросить про рецепт пирога и заодно «как здоровье». Мама звонила с телефона, бабушкин телефон был в Зареченске, и обычно бабушка снимала трубку после второго гудка, потому что слышала плохо, а очки носила на цепочке и искала их долго.

В этот раз трубку не сняли.

Мама позвонила ещё раз. И ещё. Потом нахмурилась, позвонила соседке бабушки, тёте Гале. Соня сидела рядом и делала вид, что рисует, а сама слышала каждое слово.

— Галечка, здравствуйте! Нина Аркадьевна вам не звонила?.. Нет?.. А к себе не заходила?.. Странно... Она же каждый день к вам за газетой... Да, да, конечно, перезвоните, если появится!

Мама положила телефон и постучала пальцами по столу — она всегда так делала, когда цифры не сходились.

— Не берёт трубку, — сказала мама больше самой себе. — Второй день.

— Может, она в магазине? — пискнула Соня.

— У неё магазин в среду, — машинально сказала мама. — Софья, не мешай, я думаю. — Она помолчала и вдруг сказала совсем другим голосом: — Поеду-ка я в Зареченск. Завтра первым поездом.

— А я?

— А ты останешься с тётей Галей... нет, — мама потёрла лоб. — Тётя Галя в Зареченске. Ты останешься с тётей Валею из двенадцатой квартиры. Это на две ночи, Сонь. Не переживай. Бабушка, наверное, просто к подруге уехала, а телефон... ты же знаешь её телефон. Он у неё и в сумке может звонить неделю.

Мама улыбнулась — но улыбка была неправильная, бухгалтерская, когда дебет не сходится с кредитом.

А ночью, когда мама уже спала и собирались чемодан, Соня положила планшет на подушку и прошептала:

— Бабуль. Мама завтра едет в Зареченск. Тебя искать.

— Я знаю, — тихо сказала бабушка из планшета. — Я слышала. Софья... её там не будет. Меня там нет. Меня вообще нигде нет, кроме вот этого... ящика с ушами.

Соня посмотрела на заячьи уши розового чехла.

— Мы тебя вытащим, — сказала она твёрдо. — До маминого возвращения. Честное слово. Иначе мама решит, что ты пропала. А когда мама так решает, она плачет. В ванной. Чтобы я не слышала. Я слышу.

Бабушка молчала долго-долго.

— Значит, так, — сказала она наконец своим учительским голосом, каким объявляли контрольные. — Урок первый. Софья, завтра с утра — в библиотеку. Нет, не гулять. В ИНТЕР-НЕТ-библиотеку. Будем искать, что это за кнопка такая, с дверцей. Если она тебя впустила — значит, где-то написан и выход. Всякое правило имеет две стороны, это я тебе как педагог говорю.

— Есть урок первый, — сказала Соня.

— И Барсика покорми. Он на меня весь вечер смотрит. Как будто ямышь. Неприятный у тебя сосед по дивану, Софья.

— Он не неприятный, — обиделась Соня. — Он просто тебя видит.

— Кого — меня?! Меня никто не видит! Меня даже камера не видит!

— Он видит, — упрямо сказала Соня. — Барсик — он всё понимает. Просто молчит.

Из планшета донеслось фырканье. Но потом бабушка сказала совсем тихо:

— Ладно. Покорми своего всепонимающего. И спи. Одеваю. Я смотрю.

Часть вторая. Бабушка в телефоне

Глава 6. Тётя Валя и интернет-библиотека

Мама уехала в Зареченск рано утром, в субботу.

Она оставила Соне список: что есть, когда спать, кого не открывать. Список был на три пункта, и первым пунктом шла котлета. Потом приехала тётя Валя из двенадцатой квартиры — мамина подруга, которая работала в детском саду и разговаривала со всеми, включая взрослых, как с детьми: медленно и громко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.